

МЕСТО И РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БЕЛАРУСИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

The peculiarities of function of orthodox church of Belarus are considered in the article. The author gives special attention questions of church reforms.

На рубеже XIX–XX вв. вся этническая территория Беларуси входила в состав Российской империи, поэтому те процессы, которые происходили в духовно-религиозной жизни России, являлись во многом характерными и для белорусских земель. Православная церковь еще в XVIII в. была интегрирована в систему самодержавного государства. Функцию патриарха исполнял Святейший синод в качестве постоянного органа управления. В его обязанности входило перемещение епископов, разбор тяжёлых дел духовенства с высшей иерархией, контроль за соблюдением веры и нравственности. Во главе Синода стоял правительственный чиновник – обер-прокурор, который фактически руководил всей деятельностью церкви. И несмотря на то, что церковь всегда видела свое предназначение во врачевании душ, распространении христианских моральных ценностей, она тем не менее вынуждена была заниматься решением тех задач, которые ставило перед ней государство: вести акты гражданского состояния, осуществлять руководство начальным образованием, следить за политической благонадежностью граждан и т. д. Одновременно, являясь церковью государственной, православие обладало массой привилегий, в числе которых – исключительное право заниматься миссионерской деятельностью. Кроме того, переход из православия в другие конфессии объявлялся уголовно наказуемым. Правительство увеличивало личные права священнослужителей, выдавало им денежные пособия, улучшало материальное положение отдельных церквей и монастырей.

Во второй половине XIX – начале XX в. в Беларуси существовало пять православных епархий – Минская, Могилевская, Полоцкая, Виленская (Литовская) и Гродненская. Здесь правительство всячески поддерживало церковь, обращало серьезное внимание на строительство домов для причтов, а также возведение новых храмов в российском церковном стиле. Однако важно подчеркнуть, что основная масса духовенства в Беларуси, как и в России, оставалась бедной и не имела никаких льгот и привилегий от церковной собственности, распорядителем которой была церковная иерархия. Кроме того, для церковной жизни XIX – начала XX в. оказался характерным целый ряд дезинтеграционных факторов. Деление клира на белое и черное (монашествующее)

духовенство, разный уровень образования и богословской подготовки, разная степень близости к рядовым верующим и материальная зависимость от них, отчуждение церковной власти от рядовых клириков способствовали формализации церковной деятельности. Синодальная система управления, тотальный контроль государства за церковью фактически дискредитировали образ православия в глазах передовой общественности.

С другой стороны, необходимо отметить, что на содержание религиозных процессов оказала значительное влияние социокультурная реальность рубежа XIX–XX вв. Христианские идеалы и ценности уже не соответствовали духу времени. Православное богословие оказалось не адаптированным к росту научного знания, а также к увеличивающемуся влиянию на общественную мысль «светской» философии. Практически среди всех слоев общества наблюдался рост религиозного индифферентизма и свободомыслия. Наиболее характерно это оказалось для интеллигенции, которая в конце XIX – начале XX в. пыталась найти способы выхода из общего духовного кризиса, охватившего народное сознание. Не случайно в интеллигентных кругах получили большое распространение философия марксизма, идеи И. Канта, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, Л. Толстого, Ф. Достоевского. Неоднозначным было отношение к религии. И если революционные демократы (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и др.) считали религию атавизмом, настаивали на революционном преобразовании действительности, то богоискатели (М. С. Гершензон, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве, С. Л. Франк) стремились обосновать идею религиозной культуры, радикализму революции противопоставлялось духовное обоснование общественных идеалов. Весьма примечательна в этом отношении мысль П. Б. Струве о том, что «предъявляя самые радикальные требования, во имя их, призывая народ к действиям, наша радикальная интеллигенция совершенно отрицала воспитание в политике и ставила на его место возбуждение» [1].

Идеи веховцев получили широкое распространение в Беларуси. На страницах либеральных газет и журналов публиковались статьи Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. Б. Струве; рассматривалось творчество Д. Мережковского, В. Розанова и др. Белорусские публицисты

И. Окунь, Д. Мейчик, В. Самойло, М. Каролицкий и другие были последователями богоискательства, они подвергали жестокой критике революцию и материализм, настаивали на проповеди индивидуализма, религии и мистики. Ими неоднократно подчеркивалось, что проблема человека «может быть решена только с точки зрения религиозной философии» [2].

Важно отметить, что религиозная интеллигенция всячески стремилась обновить традиционное православие, сделать его более приятельным в общественной жизни. Ярчайшим примером тому являлись религиозно-философские собрания, которые проходили в Петербурге с ноября 1901 по март 1903 г. На них поднимались вопросы об отношении церкви к общественной жизни, государству, самодержавию, нравственности, культуре в целом, браку, о догматическом развитии. Церковь, по мнению участников собраний, должна выступать консолидирующей силой для общества, способствовать возрождению России, активизации ее творческого потенциала. В частности, чиновник Святейшего синода В. А. Тернавцев в своем докладе подчеркивал необходимость соединения церкви и мира, тем самым он поднял тему о религиозной общественности: «Для всего христианства наступает пора не только словом в учении, но и делом показать, что в церкви заключается не один лишь загробный идеал. Наступает время открыть сокровенную в христианстве правду о земле, учение и проповедь о христианском государстве. Религиозное призвание светской власти, общественное во Христе спасение – вот о чем свидетельствовать теперь наступает время» [3]. Участники собраний не отличались единством мировоззрения. Собрания носили дискуссионный полемический характер, поэтому согласия между религиозной интеллигенцией и православной иерархией не было достигнуто. Но многие священнослужители признавали необходимость реформ прихода, церковной школы, повышения образовательного уровня православного клира. Некоторые православные идеологи высказывали радикальные мнения по поводу синодального управления и традиционного христианства в целом, они осознавали необходимость поиска более эффективных форм и методов защиты религии. По большому счету религиозно-философские собрания явились своеобразным толчком к зарождению либерально-обновленческого движения в церковной среде.

Вопрос о реформах был поднят в самих церковных кругах в связи с выходом 17 апреля 1905 г. царского указа «Об укреплении начал веротерпимости». Неправославные конфессии получили право легализировать и

расширить свою деятельность, заниматься религиозной пропагандой. По всей стране начались массовые переходы из православия в другие вероисповедания. В Беларуси осуществлялись массовые переходы преимущественно в католицизм. Православная церковь утратила свои привилегии в области миссионерства, хотя формально оставалась в государстве как «первенствующая и господствующая». Перед церковью стояла проблема укрепления собственного авторитета; церковь одновременно должна была менять свою точку зрения на широкий спектр проблем, изменять свой подход к пастве и т. д. В среде духовенства стали звучать настойчивые призывы немедленно созвать Поместный собор, чтобы с его помощью провести ряд реформ в церковной жизни.

14 января 1906 г. Синодом было вынесено решение о создании Предсоборного присутствия для разработки вопросов, подлежащих рассмотрению на Поместном соборе. На работу Присутствия оказали влияние те дискуссии, которые велись на страницах церковных изданий в течение 1905 г. В оценке взглядов на церковную реформу в среде духовенства можно условно выделить два направления: консервативное и либеральное. Однако при разнице подходов их объединяли общее стремление освободить церковь от излишней государственной опеки, а также резко негативный взгляд на существующую синодальную систему.

Следует отметить, что церковь, с одной стороны, пыталась добиться автономии в решении своих внутренних дел, с другой – по-прежнему предпринимала попытку опереться в своей деятельности на поддержку государства. В частности, духовенство западных епархий требовало от властей выработать определенные меры с целью ликвидировать последствия указа 17 апреля. Особенно на этом настаивал епископ Литовский Никандр (Молчанов). В своем Отзыве по вопросу о церковной реформе он писал следующее: «Необходимо законодательным путем решительно запретить ксендзам открыто вести пропаганду и вообще заниматься миссионерской деятельностью среди православных, так только господствующая православная Церковь может пользоваться исключительным правом миссионерства в России, не отказывая, однако, тем из православных, которые сами добровольно захотели бы перейти в католичество...» [4].

В печати широко обсуждался вопрос о созыве и составе Поместного собора. Большинство епископов критиковали синодальную систему, признавали необходимым восстановление соборного начала в церковной жизни.

Кризисное состояние церкви, неспособность ее отвечать на запросы времени объяснялись неканоничностью синодального строя. Что же касается состава Собора, то на страницах печати велись ожесточенные споры по этому поводу. Вопрос состоял в том, чтобы признавать или не признавать возможным участие мирян и белого духовенства в работе Собора наряду с епископами. По словам епископа Могилевского Стефана (Архангельский), церковная реформа предполагает оживление религиозной жизни через «широкое привлечение мирян к непосредственному участию во всех сферах деятельности Церкви, постольку же желательно христианское воздействие Церкви на жизнь паствы и через обратное участие ее пастырей в различного рода светских общественных коллегиях» [5]. Духовенство в целом осознавало необходимость единения с паствой, с миром, поэтому вопрос об участии мирян в Соборе решался в положительном смысле. Кроме того, представителями либерального крыла указывалось, что участие в Соборе одних епископов приведет лишь «к возвеличению монашества, и только, но не к урегулированию отношений учащей Церкви к пастве, не к возрождению церковной жизни... Епископы, как иноки, не могут знать жизни во всей ее широте, во всех ее многообразных видах» [6]. Следует отметить, что иерархи, признавая необходимость участия мирян в Соборе «сообразно апостольскому учению о Церкви, как едином теле Христовом и в согласии с учением святых отцов и учителей Церкви, а также и с практикою древней вселенской Церкви», указывали в своих отзывах, что миряне могут лишь обладать правом совещательного, а не решающего голоса. Эта позиция обосновывалась тем, что «полнота власти в церкви принадлежит только епископам, как преемникам апостольского служения и хранителям истины и благодати» [7].

Признание Собора в качестве верховной власти в управлении церковью предполагало восстановление патриаршества, которое рассматривалось как необходимое условие для установления взаимодействия между духовенством и мирянами. Местный идеолог православия А. И. Миловидов подчеркивал, что в допетровское время «церковь не преобразовалась в государственную функцию, не становилась административным и законодательным учреждением как боярская дума, вече или земский собор... у нее была своя область – религия, нравственность, общество верующих; своя задача – воспитание верующих согласно евангельскому закону; свои средства – исповедь, проповедь и обширный круг юрисдикции» [8]. В патриархе русский

народ находил «видимое осуществление святости на земле» [9].

Духовенство волновал вопрос реформы прихода как основного звена церкви. Причину упадка приходской жизни видели во многих явлениях. Основным из них было разобщение священнослужителей и прихожан. Деятельность пастырей носила, как правило, формальный характер, сводилась преимущественно к совершению богослужений и треб, а не к духовно-нравственному воспитанию прихожан, которые все меньше проявляли интерес к делам церкви. Между клиром и прихожанами нередко возникали натянутые отношения, порожденные материальной зависимостью духовенства от своей паствы. В связи с этим епископ Могилевский Стефан считал, что собственно церковную реформу нужно начинать именно с преобразований в сфере приходской жизни [10].

Сама реформа прихода мыслилась как открытие доступа мирянам к церковным делам. Духовенство белорусских епархий настаивало на том, чтобы приход стал юридическим лицом, самостоятельно контролировал церковные денежные средства. Приход представлялся как «религиозно-нравственный союз», основными функциями которого должны быть благоустройство храмов, контроль за воспитанием и обучением детей, религиозно-нравственное воздействие на население, открытие школ, благотворительность и т. д. Управление приходом рассматривалось через организацию церковно-приходского собрания как распорядительного органа и церковно-приходского совета как исполнительного. Епископ Минский Михаил (Темноусов) считал, что возрождение прихода может произойти через полное материальное обеспечение государством клира, освобождение духовенства «от обязанностей и служения целям светской власти... предоставление прихожанам права совместно с духовенством заведования всеми доходами и расходования их на нужды церкви и прихода» [11].

На страницах церковных изданий рассматривался вопрос о порядке православного богослужения. Службы, которые совершались по монастырскому уставу, оказались слишком продолжительными для приходских храмов, поэтому на практике многие священники самовольно допускали сокращения. Духовенство в своем большинстве склонялось к мысли сократить некоторые повторяющиеся молитвы, чтения, а также установить единообразие в проведении литургии. Отмечалось, что верующие невнимательно относятся к богослужению ввиду «неудобовразумительности» его языка. Появилась потребность в новых переводах бого-

служебных книг, церковнославянский язык которых оказался архаичен в условиях XIX–XX вв. Епископ Полоцкий Серафим (Мещеряков) указывал на необходимость, «не изменяя внешнюю красоту, благолепие и стройность нашего богослужения... привлечь к близкому участию в богослужении всех верующих, пришедших в церковь, чтобы каждый из них не только хорошо понимал и чувствовал все то, что происходит перед его глазами, но и деятельно участвовал в выражении общих мыслей и чувств» [12].

Таким образом, православная церковь рубежа XIX–XX вв. представляла собой сложный общественный организм. Существование духовенства на условиях «ведомства православного исповедания» препятствовало успешной реализации функций церкви. Но, как отмечает современный историк Д. В. Поспеловский, «в Церковь уже проник новый дух времени, появилось ощущение, что положение Церкви вскоре изменится, что синодальная система – теперь уже только временное явление» [13]. Вновь стала выходить в свет дискуссионная литература, посвященная религиозно-общественным проблемам; повсеместно открывались и функционировали православные церковные братства; интенсивно развивалось миссионерство, организовывались различные религиозно-философские общества, полным ходом шло возрождение церковной проповеди.

Литература

1. Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. – С. 161.

2. Короткая Т. П. Религиозная философия в Белоруссии начала XX века: критический анализ. – Мн.: Наука и техника, 1983. – С. 75.

3. Флоровский Г. Пути русского богословия. – Киев: Путь к истине, 1991. – С. 471.

4. Отзыв преосвященного Никандра, архиепископа Литовского по вопросу о церковной реформе // Прибавления к «Церковным ведомостям». – 1906. – № 36. – С. 254.

5. Отзыв преосвященного Стефана, епископа Могилевского по вопросу о церковной реформе // Прибавления к «Церковным ведомостям». – 1906. – № 4. – С. 216.

6. Давид, иеромонах. К вопросу о предполагаемой реформе // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1905. – № 7–8. – С. 246.

7. Сахаров С. П. О Предсоборном присутствии. – Юрьев. – 1910. – С. 34.

8. Миловидов А. И. Государственное значение всероссийских патриархов. – Харьков. – 1901. – С. 2.

9. Там же. – С. 11.

10. Отзыв преосвященного Стефана, епископа Могилевского по вопросу о церковной реформе // Прибавления к «Церковным ведомостям». – 1906. – № 4. – С. 179.

11. Отзыв преосвященного Михаила, епископа Минского по вопросу о церковной реформе // Прибавления к «Церковным ведомостям». – 1906. – № 3. – С. 116.

12. Отзыв преосвященного Серафима, епископа Полоцкого по вопросу о церковной реформе // Прибавления к «Церковным ведомостям». – 1906. – № 7. – С. 325.

13. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – С. 30.